

Н

очью Тимофеичу приснился яркий и пронзительный сон, больше похожий на видение. В этом сне к нему явилась сама Смерть, с которой у него были давние счеты и странная дружба.

— Имей совесть, Гриша, — недовольным скрипучим голосом сказала Она. — Зажился ты что-то на этом свете, ох зажился. Твоих ровесников, почитай, и не осталось совсем, а ты все здравствуешь и в ус не дуешь. Даже серьезной болезни не приобрел за свои девяносто три года. Это как-то неприлично с твоей стороны. Не уважаешь ты меня ничуть...

Согласно общепринятому образу, Смерть была в черном балахоне с надетым на голову капюшоном, скрывающим лицо или что иное. Только в руках у нее почему-то не было ни косы, ни какого-то другого инструмента, и этот факт немного настораживал.

Тимофеич, как ни странно, не испытывал ни малейшего страха, а ощущал одно лишь сожаление. Хоть он и был уже очень стар, но все же помирать не торопился, тем более что чувствовал себя вполне неплохо для своих годков. Ему хотелось дожить до того чудесного времени, когда в стране прекратятся всякие безобразия и

вновь человек труда станет в почете. Большая обида крепко засела в его душе и никак не покидала ее. Обидно ему было за всех простых людей, которые честно работали да при этом маялись и горе мыкали, едва сводя концы с концами, тогда как разного рода чиновники бессовестно набивали свою мощну и воровали, ничего не боясь.

— Почему ж не уважаю? — храбро ответил Смерти Тимофеич. — Я к тебе отношусь очень даже уважительно. Ты меня на войне сколько раз стороной обходила, хотя и могла в любой миг прихватить с собой. Может, жалела, а может, еще что, не знаю, только за это тебе огромное мое спасибо. Пожил, слава богу, детей нарожал, а они мне — внуков. Теперь вот и правнуки имеются. Броде, не зря землю топтал... Ты меня, конечно, извини, что не спешу помирать, и не обижайся.

— Эх, Гриша... — Смерть тяжело вздохнула и покачала головой. — Ну что ж мне с тобой делать, а? — Она ненадолго призадумалась и затем махнула костлявой рукой. — Ну да ладно, так и быть, живи пока, раз такое дело. Но я, конечно, не прощаюсь. Увидимся еще...

Сказав это, Смерть тут же исчезла бесследно, а Тимофеич сразу пробудился, весь покрытый холодным потом, и пару минут приходил в себя, изумленно оглядываясь.

В квартире было светло — утро уже начинало властвовать над городом. Тимофеич встал с кровати и, прошлепав босыми ногами по полу, вышел на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха и успокоиться после необычного сновидения.

— Приснится же... — Он покряхтел по-стариковски. — Ишь ты... ну и ну...

Всю его долгую жизнь Смерть отнимала у Тимофеича близких и знакомых людей. Сначала, когда ему, Гришке, было восемь лет, она забрала у него двух младших братьев. Это случилось, когда в их деревню пришел голод тридцать третьего...

Он на всю жизнь запомнил те страшные месяцы. Все время хотелось есть, а еды в доме практически не было. Перебивались в основном щами из лебеды и крапивы, а в иные дни и вовсе ничего не ели. Гришка сильно отощал и ослаб, и Смерть тогда подобралась к нему совсем уж близко, но так его и не заполучила...

А за годы войны она, сволочь, конечно же, вконец разбуянившись, лишила его отца, а также многих друзей и знакомых. Ну и дальше продолжала делать свое черное дело — в числе прочих забрала мать, почти всех живших в городе ветеранов войны, а напоследок и жену.

Иногда Тимофеичу во снах являлись умершие, и он говорил с ними — как с живыми. А в последние несколько лет такие сны сделались особенно частыми. Возможно, это его старая знакомая намекала ему, что недалек уж тот час, когда и он сам перейдет из мира живых в мир мертвых. Теперь вот и сама приснилась...

Его балкон выходил на улицу, которая хорошо просматривалась в обе стороны с высоты седьмого этажа. Раньше обзору мешали высоченные тополя, но несколько лет назад их спилили почти по всему городу, и с тех пор Тимофеич мог спокойно любоваться со своего балкона окружающей жизнью.

Улица в этот ранний час пока еще скучала в отсутствии машин и пешеходов, но Тимофеич знал, что не пройдет и часа, как все здесь оживет и придет в движение, и вообще весь город наполнится людьми, спешащими на работу, а по улицам устремятся потоки маршрутных такси и машин.

Тимофеич любил свой город, которому отдал семь десятков лет жизни. Он приехал сюда жить в сорок шестом, когда началось возрождение города, сильно разрушенного в годы войны. И он, Тимофеич, тоже участвовал в этом возрождении — сначала разбирал руины, потом строил дома и предприятия, а позже, когда город более-менее оправился от последствий войны, пошел работать на железобетонный комбинат.

Молодой Григорий Нечаев тогда испытывал великую потребность благоустроить родную страну, делать ее уютной для жизни трудового человека. Ему нравилось что-то создавать своими руками и вообще приносить пользу людям и государству. Во время работы он чувствовал себя полноценным строителем светлого будущего — как в переносном, так и в буквальном смысле.

Шли годы. Город рос в ширину и высоту, развивался, становился все краше и величавей. Шрамы от прошедшей ужасной войны на его теле зарубцевались и исчезли окончательно. Город даже стал центром новой области, скроенной из лоскутов двух соседних — Курской и Воронежской. Все это происходило на глазах Григория, и его жизнь тоже не стояла на месте, а претерпевала эволюцию.

Здесь он встретил хорошую, милую девушку с приятным именем Наташа. Она учила детей русскому языку и литературе в школе и казалась Григорию очень уж возвышенной и мечтательной, недостижимой для него, простого парня. Но все же свершилось чудо — Наташа полюбила молодого, бравого фронтовика-строителя. Наверное, способствовала этому их общая мечта о том, что однажды на всей планете воцарится прекрасное, справедливое общество, в котором все будут счастливы. Но они ведь не только мечтали, а еще и сами, своим трудом, каждый по-своему приближали эту мечту, свято веря в ее скорое осуществление.

Да, получилось так, что город подарил ему большую любовь и женщину, с которой Григорий спустя несколько месяцев создал семью. Может быть, таким образом город отблагодарил его, а возможно, это была просто судьба...

На следующий год у них родился сын Володя, а еще через четыре года — дочь Надя...

Страна потихоньку оправлялась от страшного потрясения, восстанавливая города, заводы и фабрики, строя новую жизнь. Но война еще долго не отпускала тех, кто прошел ее дорогами и видел ее жуткий оскал. Вот и Григорий все никак не мог освободиться от того, что он видел и пережил на фронте. В его ночных кошмарах вновь и вновь рвались с пугающей правдивостью бомбы и снаряды, лязгали гусеницами танки, бежали в атаку и падали солдаты, слышались крики и стоны раненых. Конечно, со временем такие сны приходили к нему все реже и реже, но полностью не исчезли...

Тимофеич постоял несколько минут на балконе, опершись на его перила и глядя на пробуждающийся город. Утро уходящего мая бодрило дух теплым дыханием ветерка и радовало глаз всеобщим цветением природы. И все же Тимофеич загрустил, потому что сейчас вдруг вспомнил свою Наталью, с которой он любил стоять на этом балконе после пробуждения, а просыпались они всегда вместе и рано.

Десятый год уж пошел, как умерла жена, но он никак не мог смириться с тем, что с ним больше нет его Натальи. Часто думал о ней и вспоминал, но вспоминал не старую и больную, а молодую и красивую. Большие карие глаза, любившие то с веселым блеском и озорством, то с серьез-

ной внимательностью... Каштановые кудряшки волос, нежно обрамлявшие лицо... Чуть вздернутый носик... Такой она была в далеком послевоенном сорок шестом году, и именно такую ее сохранила его память. А как сладко она целовала и как горячо обнимала в пылкой отзывчивости на его ласки...

Не выдерживал обычно Тимофеич этих воспоминаний и пускал скучную стариковскую слезу. И до того ему становилось в такие моменты тошно и тоскливо, что хотелось тут же помереть.

«А вдруг в самом деле мы с ней встретимся... там?» — думал он, хотя не мог себе точно представить это самое *там*.

Верил ли Тимофеич в бессмертие души? Однозначно ответить на данный вопрос он не мог. Ведь он родился и вырос в семье атеистов и по молодости все это бесспорно считал «поповскими бреднями». Даже на войне в минуты смертельной опасности он старался гнать от себя мысли о Боге и стыдился их, когда они невольно приходили в его голову от страха. Но после смерти Натальи ему вдруг очень сильно захотелось, чтобы «попы» оказались правы. А в один прекрасный день, на Пасху, терзаемый душевными противоречиями, он все же набрался решимости и пришел в одну из городских церквей, где поставил свечи «за здоровье родных» и «за упокой души рабы Божией Натальи». В тот момент что-то в его душе встрепенулось радостно, словно пташка, и охватило его какое-то неизъяснимое умиротворение.

С тех пор мысли об этом *там* стали посещать Тимофеича чаще и чаще, и он их уже не стыдился.

— Пожалуй, ничего и нет плохого в том, что люди в это верят, — как-то раз пришла к нему такая мысль. — Если это и выдумка, то никому от нее, если разобраться, ничего худого нет. Ну а если же это правда, то и вовсе хорошо. Конечно, молиться я не начну, это уже чересчур, но тайком надеяться никто мне не запретит.

В принципе, Тимофеич и так не боялся смерти, потому что за долгую свою жизнь, и особенно на фронте, много раз видел, как умирают другие. Он понимал, что смерть, зараза, неотвратима и рано или поздно наступит независимо от того, боится ее человек или нет, и давно уже свыкся с этим обстоятельством.

— В самом деле, — бывало, он рассуждал сам с собой, — если никто умирать не будет, то куда ж столько народу потом девать? Совсем тесно на планете станет... Так что, как ни крути, а помирать людям надо, чтоб освободить место для следующих поколений. Все правильно Природа придумала... Или Бог... Не хочется, конечно, этого делать, но деваться некуда. И бояться не стоит. Главное — достойно свою жизнь прожить и оставить после себя потомков, род продолжить...

Обитал Тимофеич в просторной трехкомнатной квартире, и одному ему места вполне хватало. Когда приезжали погостить родные, то, конечно, приходилось потесниться, но все же он всегда был рад увидеть кого-то из своего большого семейства, которое давно уж расплескалось не только по всей области, но и далеко за ее пределы. Сын Владимир жил в собственном доме в пригородном поселке, а дочь Надя — здесь же, в городе, и потому они частенько навевывались к отцу, тем более что оба уже были пенсионерами. Внуки же разъехались по разным городам, кто — в Курск, кто — в Воронеж, а внучка Валентина вообще обосновалась в Москве со своим новым мужем Романом, который там занимался каким-то бизнесом. Давно уже не собирались они все вместе за одним столом, поскольку

остоянно кому-то что-то мешало приехать — то неотложные дела, то нерешенные вопросы, то еще какие-то неодолимые обстоятельства. Тимофеич старался не обижаться на своих детей и внуков и относиться с пониманием к их проблемам.

— Ну, ничего не попишешь, раз такое дело, — говорил он всякий раз, когда слушал по телефону очередные извинения. — Жизнь у нас нынче, и то правда, непростая. Надо много зарабатывать да всюду поспевать, чтоб не скатиться на обочину... Ну не беда. Даст Бог, соберемся еще воедино...

Но порой он все же не сдерживался от переполнявшей его горечи и позволял себе немного поворчать по-стариковски.

— Ох уж эта ваша суета вечная... Видно, соберетесь вы все только на моих похоронах, не иначе...

Нет, не совсем один жил Тимофеич. Делил он квартиру с рыжим котом Тихоном, который тоже доживал свой кошачий век, миновав в феврале двенадцатилетний рубеж. Раньше Тихон, как и всякий нормальный кот, мог сутками пропадать на улице, ухаживая за понравившейся кошкой или выясняя отношения с окрестными собратьями. В боях ему порой прилично доставалось, о чем свидетельствовали его увечья — правый глаз скривился от шрама, левое ухо было надорвано, а в пасти не хватало одного из верхних клыков. Но в последний год он стал ленивым и на улицу уже ходил редко. Видно, подкралась к Тихону незаметно его кошачья старость, поубавив у него здоровья и сил, и кота уже не тянуло на любовные похождения и боевые подвиги. Остепенился он и все больше проводил время в сладком сне или приятной дремоте где-нибудь поблизости от хозяина. Тимофеич же все чаще что-нибудь рассказывал коту, а тот, казалось, внимательно слушает человеческую речь, словно понимает ее. Впрочем, кто знает: может, за свои двенадцать лет Тихон уже и научился различать какие-то слова и фразы. Правда, в ответ он ничего не говорил, а мог только громко мурлыкать, выражая одобрение.

Тимофеич вернулся с балкона в квартиру и прошел на кухню, намереваясь попить чайку. Но не успел он включить чайник, как Тихон был уже рядом и принялся тереться о ноги, бросая снизу красноречивые взгляды.

— Что, лентяй, уже проголодался? Что-то ты, брат, на старости стал много есть. Скоро совсем разжиреешь, как боров. Уже вон бока отвисают... Ну сейчас покормлю тебя, куда ж деваться.

Он открыл холодильник и достал пакетик кошачьего корма.

И тут Тимофеич вдруг вспомнил, что получил вчера от внучки из Москвы хорошее известие. Сегодня она собиралась приехать к нему с семьей на выходные.

— Тихон, как же это я запамятовал-то? У нас с тобой ведь гости дорогие намечаются! — сообщил он коту свою радость. — Придет Татьяна, попрошу ее приготовить праздничный обед. Они-то, ежели раненько выедут на машине, то как раз к обеду и поспеют. Роман-то носится как ненормальный, вечно спешит куда-то, деляга... Раньше таких как он считали спекулянтами, а нынче они, вишь, уважаемые люди... Внучка-то моя непутевая своего Павла променяла на хапугу этого... Эх, не хочу его здесь видеть, да деваться некуда. Ну, нехай погостят, места хватит. Как-нибудь два дня потерплю... Ну ладно, ты тут доедай, а я мне пора на мою утреннюю прогулку. Сам знаешь, движение — это жизнь.

Тихон, как обычно, ничего не ответил...

Дворник Николай уже наводил на территории порядок, перекатывая контейнеры с мусором от подъездов к местам загрузки.

— Утро доброе, Тимофеич! — поприветствовал он. — Ты, как всегда, самый первый. Молодец, держишься.

— Держусь, — ответил Тимофеич и присел на лавочку у подъезда, наблюдая за работой дворника.

Справившись с последним, четвертым, контейнером, Николай подошел и, сев рядом, закурил. Он работал в этом дворе с полгода, и за это время они много раз разговаривали о жите-бытье — о своем и вообще. Николай оказался человеком открытым и общительным, словоохотливым. В нем проглядывал упрямый и беспокойный характер, а таких людей, как известно, начальство нигде не жалует и даже опасается. Во многом поэтому и жизнь у Николая складывалась непросто и нескладно. За свои пятьдесят два года он так и не смог обзавестись семьей и сменил множество рабочих мест.

— Сам-то как? — спросил Тимофеич. — Не женился?

— Нет пока, — дворник грустно усмехнулся. — Да и кому я нужен такой? Ни кола, ни двора, ни гроша за душой... А бабы сейчас богатых хотят.

— Хотят, заразы, — согласился Тимофеич. — Может, и не все, но многие. Совсем ополоумели... Ну ничего, не кручинься сильно. Еще встретишь свою половинку, которой будешь нужен. Обязательно встретишь... просто жизнь у нас сейчас такая... несуразная. Каждый только о себе и думает, не то что прежде.

— Да не в этом дело, — Николай вздохнул. — Видно, судьба моя такая — неприкаянным жить. Не всем же дано обрести семью, уют... Кто-то должен и мыкаться на этом свете.

— Нет, Коля, неправильно это, — возразил Тимофеич. — У каждого человека должно быть семейное счастье. Одному на свете худо жить.

— А может, Бог меня за грехи наказал, — опять сказал Николай.

— Что, есть грехи? — Тимофеич покосился на него.

— У кого ж их нет? Не обязательно убивать кого-то или грабить... Взять хотя бы ту же гордыню. Тоже ведь грехом считается.

— Да ерунда это, — махнул рукой Тимофеич.

— Ерунда, не ерунда, а грех. Так в Библии сказано. Ладно, извини, мне работать надо, — Николай погасил окурок о подошву ботинка и бросил его в урну. — Еще два двора убирать.

Он подошел к стоявшей у стены подъезда метле и, взяв ее в руки, принялся мести асфальт, делая широкие, точные махи.

Тимофеич решил не мешать дворнику и отправился по своему обычному маршруту, пролегающему вокруг квартала. Он приучил себя выходить на прогулку регулярно, даже в непогожие дни и при неважном самочувствии, потому что крепко-накрепко запомнил слова: «Движение — это жизнь!» Правда, в последние года три ходить стало тяжелей — ослабли ноги, усилилась одышка, да и сам он погрузнел. Но все же Тимофеич старался строго соблюдать эту привычку, преодолевая слабость и всякие недомогания, а в помощь себе купил трость с ремешком для руки. А когда ему становилось совсем неважно и казалось, что нет никаких сил выходить из квартиры, он вспоминал, как поднимался на войне в атаку. И тут же силы откуда-то брались, а немощь отступала, словно ее и не было.

Сегодня Тимофеич, наоборот, чувствовал себя полнее. Возможно, так благотворно на него повлияла весть о приезде внучки и ее семьи. Шаги его были тверже, а дышалось легче, и он, обойдя квартал за полчаса, почти не устал.

Николай уже перешел в соседний двор, и Тимофеич приуныл в отсутствие общения, занимавшего важное место в его стариковской жизни. Он вновь присел на лавочку в ожидании новых собеседников.

Между тем из подъездов потихоньку начали появляться люди, спешащие по разным утренним делам, но в основном, конечно же, на работу. Некоторых из них он знал, потому что эти жители дома были доброжелательны и общительны и всегда охотно говорили с Тимофеичем. Но обитали в доме и другие люди. Они ни с кем не здоровались и шли мимо, делая вид, что никого вокруг не замечают, или бросая по сторонам настороженные взгляды, словно были здесь чужаками. А некоторые из этих «других людей» вели себя кичливо и нахально, поглядывая на остальных с нескрываемым высокомерием. Все эти «другие люди» вызывали в душе Тимофеича сильное негодование и сожаление. Он никак не мог понять, почему, по какой причине они такие.

«Откуда же такие обормоты берутся? Неужто это все из-за денег? — недоумевал Тимофеич, stalkиваясь с ними во дворе. — Едва разбогатели, сразу нос воротят. Эхехех... В советское время люди добрее были... и дружнее, не то что теперь...»

Из соседнего подъезда вышел отставной майор-танкист Михаил, задылый собеседник Тимофеича. Ему было под шестьдесят, а работал он охранником на одном из заводов города, так как военной пенсии на все не хватало — приходилось помогать семье дочери, выплачивающей ипотеку за квартиру.

На плече у Михаила висела спортивная сумка, в руке он держал прозрачный пакет, набитый покрошенным хлебом. Каждый раз, выходя на работу, он кормил обитавших во дворе голубей. Крошила же хлеб его супруга Светлана — приятная, сердобольная женщина.

Увидев приятеля по двору, отставник подошел поздороваться.

— На дежурство? — спросил Тимофеич, завывая разговор.

— На дежурство, — ответил Михаил, пожав ему руку.

— А ко мне сегодня внучка со своими приезжает, — поделился радостью Тимофеич. — Так что у меня вроде как праздник образовался.

— Ну тогда поздравляю, — Михаил улыбнулся. — Это хорошо, что не забывают деда.

— Не забывают... Внучка у меня хорошая, любит меня. Только немного безалаберная она, вот в чем беда. Уж не знаю, в кого она такая... Бросила мужа почем зря... Эхехех... Сказала, что встретила более серьезного человека... этого, как его... короче, делягу.

— Бизнесмена, — подсказал Михаил.

— Во-во, точно, бизнесмена, будь он неладен... Непонятно только, чем он там у себя в Москве занимается. Как внучка говорит, Роман ее что-то продает и что-то покупает... Во как... Раньше таких спекулянтами называли, барыгами... Зато теперь они в почете, — Тимофеич покачал головой. — Вот ведь времена какие...

— Да, времена дрянные, — Михаил нахмурился. — Сплошная зыбь, куда не ступи. Хотят народ опять холопами сделать. Все к этому подводят, все свои реформы.

— Да видно, хотят стать новыми князьями да боярами, — согласил-

ся Тимофеич. — Они для этого Союза и развалили. Я это тогда сразу понял. Мозги всем задурили демократией и свободой, а сами под шумок все себе захапали.

— И сейчас продолжают хапать безбожно. Совсем оборзели...

Матюгнувшись, Михаил отошел в сторону и помахал перед собой пакетом с хлебом. Тотчас со всех сторон к нему полетели голуби, ожидавшие момента кормежки на окружающих крышах, — птицы уже хорошо знали, что в это время им может перепасть угощений.

Михаил стал разбрасывать по асфальту хлебные кусочки, а голуби с жадностью бросились на еду, расталкивая и стараясь опередить своих пернатых собратьев.

— Все как у людей, — заключил Тимофеич, наблюдая за птицами, которых собралось здесь десятка два, а то и больше. — Тоже каждый хочет ухватить кусок получше, а на других наплевать... Но мы-то, вроде как, от животного мира вперед ушли, а все одно от животных и птиц мало чем отличаемся. Вот такая петрушка получается...

Тут из его подъезда появилась семейка «других». Состояла она из дородного папаши лет сорока пяти, такой же по возрасту и комплекции мамочки и их чада — раскормленного сыночка годков восьми. Никто из них никогда ни с кем во дворе и в подъезде не здоровался, а если же кто-либо желал им здравствовать, то в ответ раздавалось нечто невнятное, от чего сразу пропадало всякое желание еще раз заговорить с этой семейкой.

Сейчас папаша и мамаша, проходя мимо Тимофеича, усердно смотрели прямо перед собой, изо всех сил стараясь не замечать его.

— Доброе утро, соседи! — громко сказал Тимофеич, еще раз упорно пробуя вызвать семейку на общение.

Взрослые сделали вид, будто ничего не услышали, а их сынуля посмотрел на старика с удивленной улыбкой, скорее всего, не зная, что в таких случаях нужно делать.

Увидев Михаила и толпящихся у его ног голубей, мамаша всплеснула руками.

— Опять он их кормит! — возмутилась она. — Надо на него в полицию заявить. Они же сразу разную разносят, как крысы, а этот их тут приваживает. Безобразие!

— Вы что, не знаете, что руководство области запретило кормить голубей? — строго спросил глава семейства.

— Знаю, — спокойно сказал Михаил, продолжая бросать птицам хлеб.

— Так вы не подчиняетесь руководству области? — Глава семейства смотрел на него изумленно. Видимо, подобное не укладывалось у него в голове.

— Да пошел ты, — ответил ему Михаил, — вместе со своим руководством.

— Вам-то чем голуби помешали? — поддержал его Тимофеич. — Машину, небось, обгадили? И правильно сделали.

— Да что с ними разговаривать? — опять закричала тетка, судя по всему, пришедшая в сильное волнение. — Это же нищebroды! Такие ничего не понимают. В полицию надо обращаться.

— Давай-давай, вали к своим полицейам! — со злым весельем крикнул Тимофеич. — Дед твой, поди, тоже в полицию доносил, только в немецкую. Яблоко-то от яблони недалеко падает.

— Хамло старое! — истерично завизжала тетка и, стремительно сев в машину, хлопнула дверью.

Ее муж хотел было что-то сказать, но, наткнувшись на грозный взгляд Михаила, молча последовал за женой. Мальчик же оказался в машине еще раньше родителей.

Взревев мотором, их БМВ ретировался со двора, оставив поле боя победителям.

— Вот же пакостники, — не сдержался Тимофеич. — Дрянные людишки...

— Ладно, пойду я, — Михаил кивнул и зашагал по тротуару бравою походкой бывшего военного.

Тимофеич же еще немного посидел и пошел домой. Моральная победа над семейкой «других» улучшила его настроение.

— Ишь, распоясались, — говорил он сам с собой, поднимаясь на лифте. — Будут они нам указывать, как жить... Голуби им, обормотам, помешали... Смотри-ка...

* * *

В девять утра к нему пришла Татьяна — социальный работник. Как ветеран Великой Отечественной Тимофеич имел право на бесплатное социальное обслуживание. Татьяна проводила у него ежедневно по два часа официально — делала уборку квартиры, ходила в магазин и аптеку, стирала одежду и готовила еду, а заодно скрашивала общением его одинокую жизнь. Но помимо служебных часов, она частенько заходила к Тимофеичу и в неурочное время, заботясь о нем как о родном человеке, особенно, когда у него возникали недуги.

Татьяна нравилась ему не только своей добротой и сердобольностью, но и вообще как женщина, и поэтому, когда она переступала порог его квартиры, Тимофеич буквально молодел душой и телом лет на тридцать. Он начинал без умолку болтать, проявляя при этом недюжинное красноречие и остроумие и стараясь поразить ее широкой эрудицией. А иной раз он вдруг вспоминал какой-нибудь яркий случай из своего военного прошлого — забавный или удивительный.

Ей было около сорока, и она жила со старенькой мамой и пятнадцатилетним сыном. Замужем Татьяна пробыла всего лишь два года — однажды застала своего благоверного с любовницей и сразу подала на развод, потому что не смогла простить ему предательства.

— Когда тебя предает любимый человек, это невыносимо больно, — сказала она.

Но хуже всего было то, что Татьяна уже много лет не могла никого полюбить, ожидая от каждого мужчины такой же подлости. Тимофеич жалел эту симпатичную женщину и всегда мысленно желал, чтобы ее сердце все же оттаяло и она наконец-то обрела свое бабье счастье. А еще Татьяна напоминала ему его дочку, и это дополнительно трогало душу старика.

Тихона женщина явно тоже притягивала к себе. Каждый день ко времени ее прихода он перебирался в прихожую, дожидаясь звонка по домофону. А когда Татьяна заходила в квартиру, кот подбегал к ней и начинал тереться о ее ноги и громко мурлыкать. Вот и сейчас он привычно выражал кошачье удовольствие, томно поглядывая на гостью своими желтыми глазищами.

— Доброе утро, Григорий Тимофеевич, — Татьяна поставила на пол пакет с покупками, сняла босоножки и обула тапочки. — Вот, купила вам

кефир, пачку гречки, хлеб, корм для Тихона и минералку без газа. Как вы себя чувствуете?

Сегодня она выглядела чем-то омраченной, и Тимофеич насторожился.

— Да хорошо я себя чувствую, спасибо. Радость у меня. Сегодня внучка моя с семьей приезжает из Москвы. Видать, сильно соскучилась по мне. А ты чего такая смурная? Прямо лица на тебе нет. Случилось что?

— Да так... — Женщина хотела еще что-то сказать, но лишь махнула рукой. — Вам это ни к чему. Это мои проблемы.

— Что за проблемы-то? — Тимофеич не на шутку встревожился. Хотя Татьяна и не была ему родственницей, но он относился к ней как к родному человеку и потому не мог оставаться равнодушным к ее печалю и горестям. — Ну-ка, рассказывай давай. Я ведь теперь не успокоюсь, пока не узнаю, в чем дело. Так что не томи душу.

— Да что тут рассказывать... — Татьяна прошла на кухню и стала выкладывать покупки на стол. — Собралась дачу мамину продавать, вот и вся беда.

— Дачу? Не нужна, что ли, стала? — не понял Тимофеич.

— Да как же не нужна. Нужна... — Татьяна села на табурет и поникла плечами. — Да только деваться нам с мамой некуда. Ремонт в квартире уже много лет не делали, да и мебель вся совсем старая, менять надо... Опять же, дочь растет, и ее надо одевать-обувать. Ей ведь даже стыдно подруг домой приглашать, а про парня вообще молчу... А где на все это деньги брать?.. Вот мы с мамой и решили дачу продать, как бы этого ни не хотелось. Все же для мамы в радость летом на даче повозиться, тем более что туда и добираться удобно — от остановки всего метров двести идти. Без дачи ей тяжело будет...

— Ну а кредит чего не возьмешь?

— Да какой там кредит! — махнула рукой Татьяна. — И так на всем экономим. У меня-то зарплата небольшая, а у мамы пенсия и того меньше. С кредитом совсем тяжело будет жить. Это ведь надо брать не меньше ста тысяч, а то и ста пятидесяти... А проценты в банках — сами знаете, какие...

— Да уж, проценты они дерут — будь здоров, стервецы, — согласился Тимофеич. — В кабалу народ вгоняют.

— Ничего, и без дачи проживем, — Татьяна встала и принялась хозяйничать на кухне. — Что вам приготовить сегодня на завтрак? Может, сварить вашу любимую гречневую кашу?

— Свари овсянку из пакетика и ладно. Не беспокойся. Мне сегодня внучка привезет из столицы разных вкусностей. Хотя... как же я забыл, у меня ведь фарш в морозильнике лежит. Сделай-ка тогда котлет к обеду.

— Ну хорошо, раз такое дело, — подумав, сказала Татьяна. — Тогда сварю вам овсянку с черносливом и сосиску, а потом сделаю котлеты и займусь уборкой, чтобы к приезду ваших гостей здесь царил порядок и чистота.

Тимофеич немного понаблюдал с улыбкой, как она готовит, потом махнул рукой.

— Ладно, пойду пока кино посмотрю, чтоб не мешать. Позовешь, как будет готово...

Он прошел в зал и включил телевизор, который теперь стал чуть ли не самой важной частью его жизни, а в дни непогоды или какой-нибудь хвори этот треклятый электронный прибор становился Тимофеичу прак-

тически лучшим другом. Правда, из всего множества телеканалов Тимофеич смотрел лишь те, где показывали старые советские фильмы или познавательные передачи. Теперешние же телесериалы в основном вызывали в его душе лишь уныние и досаду, потому что в них слишком много было жестокости и зла. Судя по ним, получалось, что вокруг одни негодяи и дрянные людишки, которые думают только о наживе и ради нее готовы на любые мерзости. А еще в этих сериалах очерняли советскую власть, пытаясь убедить зрителей в том, что при ней людям жилось плохо и повсюду творили беды подлые, коварные злодеи из НКВД.

— Врут они все, режиссеришки поганые, — ругался Тимофеич каждый раз, когда видел очередное такое творение. — Ну не так ведь мы жили, совсем не так...

Он никак не мог понять, отчего все эти режиссеры так люто ненавидят прошлое и какие великие обиды сидят в их сердцах. А ведь некоторые из них раньше снимали совсем другое кино и получали за него от ненавистной им советской власти награды...

Тимофеич выбрал телеканал, по которому шел фильм «Батальоны просят огня» — один из его самых любимых. Там как раз наступил тот трагический момент, когда батальоны погибали, отвлекая на себя значительные силы немцев... Тимофеич много раз видел этот фильм, но все равно застыл перед телевизором, испытывая сильное волнение, как будто сам сейчас находился там, в окопе, и стрелял из ППШ в наступающих фрицев...

Григорий был призван в Красную Армию в марте сорок третьего сразу после совершеннолетия. Его направили на курсы младших командиров. Пройдя их, он стал сержантом пулеметной роты. Когда впервые увидел пулемет «максим», поначалу пал духом, испугавшись, что не совладает с таким сложным устройством, ведь раньше, в родном селе, он с техникой дел не имел — разве что с телегой. Но ничего: собрав в кулак силу воли и проявив усердие в учебе, во всем разобрался, научился метко стрелять и даже получил значок «Отличный пулеметчик».

А на фронт Григорий попал перед самым началом Курской битвы, в которую затем и угодил — на южный ее фас. Сперва их дивизия, как и остальные, стояла в обороне, и ей повезло — немцы наступали в основном стороной, правее и левее. А потом, когда враг уже выдохся и началось всеобщее наступление наших войск, дивизия Григория двинулась на Белгород. В те дни июля и августа Смерть покуражилась вволюшку. Многих боевых товарищей лишился тогда Григорий, да и сам порой в уличных боях находился на волосок от гибели, но остался жив назло старухе с клюкой. А когда он шагал в строю по освобожденному, лежащему в руинах городу, с лихвой натерпевшемуся от войны, то решил, что обязательно бывает здесь после победы — если, конечно, не погибнет.

Вслед за Белгородом он освободил и Харьков, а в конце сентября в бою на плацдарме на правом берегу Днепра получил свое первое ранение. К счастью, рана оказалась легкой — пуля прошла навывлет через левый бок, не задев жизненно важных органов. Видимо, Смерть решила его поугатать или просто пошутила над ним.

— Нет, Костлявая, не выйдет у тебя из советского солдата сделать труса, — сказал он Смерти, возвратившись в строй после лечения. — Зря стараешься...

Получив за те бои медаль «За отвагу», Григорий пошел громить врага дальше на запад, освобождая родную страну. Летом сорок четвертого,

под Кишиневом, он опять был ранен и снова — легко, в руку. То ли Смерть зауважала его, то ли вновь решила только пострадать.

В начале сорок пятого их дивизия освобождала Польшу, а в феврале при форсировании Одера Григория ранило в третий раз — теперь в шею, и вновь не опасно. Возможно, все же хранила Григория некая высшая сила, а может, молитва матери. И была вторая награда — орден Красной звезды.

Его назначили командиром пулеметного взвода вместо убитого взводного, а Берлин он штурмовал уже младшим лейтенантом.

Много немцев убил Григорий за всю войну из своего родимого «максимки». Ему аж однажды приснилась Смерть, которая с ухмылкой поблагодарила его за такое дело.

— Но они же были нашими врагами, — пытался он оправдаться непонятно перед кем — может, перед собственной совестью, а может, перед Богом, в которого толком-то и не верил. — Они сами пришли на нашу землю и творили на ней страшные бесчинства. Как же их было не убивать за такое? Только так...

— Все правильно ты делал, Гриша, — нежно проворковала Смерть и, обернувшись вдруг красивой девицей в белом платье, полезла к нему обниматься. — Я довольна тобой... Молодец ты у меня, ох какой молодец... Прямо люблю тебя, хорошего такого...

— Да пошла ты! — крикнул он и проснулся, но в ушах еще долго раздавался мерзкий хохот Костлявой...

Наконец проклятая война закончилась полной победой над Германией, и Григорий решил сменить свой пулемет на более мирный инструмент. Вот тогда-то он и вспомнил, что пообещал сам себе приехать в Белгород, первый освобожденный им город. Но для начала он, конечно, вернулся домой повидать родных, по которым сильно соскучился, так как был у них на побывке один лишь раз после второго ранения. Дома узнал, что отец погиб в Белоруссии, а старший брат Иван — в Болгарии. Кроме матери, от всей их некогда большой семьи остался еще младший брат Николай, которого не взяли на войну по возрасту, да любимая старшая сестра Анютка, ставшая вдовой через войну. Все они уговаривали Григория остаться работать в родном колхозе, да не смогли уговорить.

— Простите меня Христа ради, — ответил он им, — только дал я сам себе обещание и должен его исполнить. Буду Белгород из руин восстанавливать.

Так оно и вышло...

Его полусонные грезы прервала Татьяна.

— Ну что, Григорий Тимофеевич, пойду я. Накормила вас и Тихона, порядок навела, котлеты сделала. Можете спокойно встречать свою внучку.

— Спасибо тебе, Танюшка, за твою заботу обо мне, — Тимофеич поднялся из кресла и взял ее за плечи. — Тут такое дело... Короче, не надо вам продавать свою дачу.

— Почему? — Женщина посмотрела на него удивленно.

— Я дам вам денег взаймы.

— Вы? — Она удивилась еще больше. — А у вас-то откуда они?

— Оттуда, — Тимофеич улыбнулся. — Живу-то один, так что особо и не трачу, а пенсия у меня хорошая. Ветеранские опять же. Вот и накопились. Возьми в долг и отдашь, когда возможность будет. Можешь даже по частям отдавать, мне без разницы...

— Да неудобно как-то, — скромно потупилась Татьяна. — Вдруг они вам самому пригодятся?

— Чего там неудобного? Считай, что это мое добро взамен на твое. Лучший для вас вариант получится. Я ведь не банк, проценты не потребую. Ты заботишься обо мне лучше, чем мои родичи. Они все в делах да заботах, все им недосуг, а ты мне как внучка родная стала за это время. Вот и хочу я тебя отблагодарить. И не вздумай отказываться.

Усталые глаза Татьяны повлажнели.

— Спасибо вам, Григорий Тимофеевич, — она прижалась к нему, обняла. — Хорошо, я поговорю с мамой об этом. Думаю, она согласится. Уж очень тяжело ей будет с дачей расставаться, прямо сама не своя последнее время. Я вам расписку напишу, и мы все вернем.

У Тимофеича тотчас улучшилось настроение. Он вернулся к телевизору, с нетерпением ожидая приезда внучки и правнука.

* * *

Внучкина семья прибыла около двух часов дня. Квартира сразу ожила, наполнилась голосами, отчего в душе Тимофеича стало радостней и теплей.

— Вот молодцы, что выбрались ко мне из своей столицы, — едва не плача сказал он, целуя Валентину и пожимая руку Роману. — Больше года ведь не были. Уж думал, что так и помру, не повидавшись.

Но особенно любо-дорого ему было видеть правнука, которому пошел пятнадцатый год.

— Сережка-то как вырос, — Тимофеич потрепал его по русской голове. — Уж скоро со мной сравняется...

Тут же наскоро соорудили обед и сели за стол — благо, просторная кухня позволяла всем четверым разместиться здесь. Валентина порезала привезенный с собой столичный сервелат и сыр, а также купленные по дороге овощи. Ко всему этому добавили сваренную в пакетах гречку и котлеты, сделанные Татьяной. Получилось вполне приличное застолье.

Присутствовал на нем и Тихон. Он сел у двери и настороженно поглядывал оттуда на гостей. Вероятно, что-то смущало кота, что-то мешало ему проявлять радушие к людям.

Роман открыл бутылку «Путинки», и Тимофеич по такому торжественному поводу решил немного пригубить беленькой.

— Ну гости дорогие, за ваш приезд! — провозгласил он тост, взяв на себя главенство. — Ешьте да рассказывайте. Как добрались, как поживаете в своей Москве...

— Нелегко в столице жить, Григорий Тимофеевич, — заговорил Роман, быстро орудуя вилкой. — Много там всяких трудностей. Жизнь дорогая и торопливая.

Высокий лоб зятя после выпитой стопки покрылся капельками пота. Своей круглой головой с ежиком коротких серых волос и глубоко посаженными глазами, а также своим широким носом с большими ноздрями Роман напоминал бульдога. Судя по всему, и хватка у него была бульдожья.

«И чего в нем Валюшка нашла? — в который раз недоумевал Тимофеич, разглядывая зятя. — Ничего ведь хорошего... Неужто только из-за денег к нему ушла? Эх, дуреха...»

— А вы перебирайтесь сюда, — предложил Тимофеич. — Тут и потише, и попроще жизнь-то. А заодно и мне веселее будет.

— Да нет, дед, спасибо, — ответила Валентина. — Мы уже привыкли к столице. Да и как Роман свой бизнес бросит? У него там все налажено, все схвачено. А тут ему заново начинать, что ли?

— Значит, все у вас хорошо в целом? — покивал Тимофеич.

— Относительно да... — устало вздохнула Валентина. — Конечно, проблем полно, как и у всех.

— А все эти проблемы оттуда идут, — перебил жену Роман, указав большим пальцем в потолок. — Потому что систему такую создали, мать их... Без взятки и откатов никуда... Везде надо платить и делиться, если хочешь двигаться вверх... И они еще талдычат про борьбу с коррупцией. Смешно... Да какая борьба, если вся коррупция сверху и идет, и чем выше, тем она сильнее...

— Неужто все так плохо? — Тимофеич вздохнул. — И как же жить тогда?

— Ничего, жить можно, — сказал Роман, забросив в рот кусочек колбасы. — Главное, уметь налаживать связи с нужными людьми! — Он осклабился. — Как говорится, с кем поведешься...

— И ты считаешь это нормальным?

— Ну... — Зять пожал плечами. — Все равно всем не может быть хорошо. Это уже сто раз доказано историческим опытом. В любом обществе всегда есть какая-то своя элита, которая живет лучше остальных. Даже в совке, сами знаете, было партийное начальство — всякие секретари. Для них было все самое лучшее, а другим доставалось что похуже. Вот так-то.

— Зато в Советском Союзе люди знали, к чему стремятся, — возразил Тимофеич. — И ценности тогда были... Духовность, мораль... А сейчас что? Какие идеалы? К чему людям стремиться-то?

— Хрень собачья все это... Идеалы... Хватит! Идеалами сыт не будешь, и это все уже поняли. У всех сейчас одни и те же стремления... Набить свои карманы, чтобы и себе до конца жизни хватило, и еще детям осталось. Вот такой простой расклад, дед, вот тебе истинные ценности...

Тимофеич погрузился. Горько ему было слышать такую истину, а еще горше становилось от того, что Роман говорил обо всем этом как о чем-то вполне нормальном, само собой разумеющемся.

— Ну а что? — продолжил рассуждения зять. — Все хотели свободы в девяносто первом. Я же помню, как кричали, что заживем не хуже Запада... Вот и зажили.

— Так разве ж о таком мечтали-то? — Тимофеич положил ложку, потому как аппетит его покинул совершенно от этих разговоров. — Да и кто хотел? Спекулянты разные да те, кто в кабинетах жировал... А трудовому-то человеку в Советском Союзе хорошо жилось.

— Да не надо лапшу на уши вешать, — Роман махнул рукой. — Ничего хорошего при совке не было. Я-то помню.

— Что ты можешь помнить? — Тимофеич начал сердиться. — Ты же пацаном тогда был.

— Ну и что, что пацаном? Кое-что помню... Без очередей купить ничего нельзя было. Да и ни хрена путевого в магазинах не было — ни одежды, ни ширпотреба. Одно совковое барахло, а все заграничное было в дефиците. Все приходилось доставать по блату... И что, это нормальная жизнь была? Да? Одни партийные чиновники и жили нормально, а простому народу лапшу на уши вешали... про коммунизм и про светлое будущее, которое типа строили.

Эти слова больно ударили по душе Тимофеича. Потому что он сам состоял в партии, и вступил в нее не по какому-либо принуждению, а вполне осмысленно, по зову сердца, и свой партийный билет хранил до сих пор. Он верил, что это самое светлое будущее непременно когда-нибудь наступит, ведь другого пути у человечества нет.

— Да не все плохо у нас было! — со злостью крикнул он, стукнув по столу кулаком. — Да, отставали от Запада кое в чем, потому что холодная война шла. Капиталисты нас задушить пытались... Но улучшения ведь уже шли, и если бы не эти... демократы во главе с Горбачевым... Развалили такую державу...

Тимофеич взглянул на Валентину, надеясь услышать от нее слова поддержки, но та промолчала.

— И правильно сделали, что кончили ваш социализм, — стоял на своем Роман. — Все с ним понятно, с этим социализмом... Надо было по-умному его строить, как китайцы. Но мы ведь так не можем, потому что жадные сильно и все на халяву хотим. Такой уж мы поганый народ...

При этих словах правнук, до того сидевший молчаливо, засмеялся.

— Ну ты весь народ-то не трожь! — разгневался Тимофеич. — Чем он тебе не нравится?

— А что, так и есть, — Роман брезгливо поморщился. — Ленивые, завистливые, подлые, перед начальством пресмыкаются и стучать друг на друга любят.

— Видно, ты не с тем народом общался. Нет, конечно, есть и такие паршивцы, но в основном-то хорошие люди, добрые и душевные. На войне я всяких повидал... Хороших было гораздо больше.

— Где они, эти хорошие? — Роман налил одному себе полную стопку и сразу выпил ее. — Нет, валить надо из этой долбаной страны. Ничего хорошего здесь уже не будет.

— А ты сам-то что сделал, чтобы здесь хорошо было? — Тимофеич устремил в зятя гневный взгляд. — Какое добро людям принес?

— Да ладно, все это словоблудие. О себе надо думать в первую очередь. У меня семья есть — жена и сын.

— Да хватит вам уже! — не выдержала Валентина. — Дед, ну что ты, в самом деле? Не рад, что мы приехали?

— Ну а чего он тут развел свою гнилую философию? — пробурчал Тимофеич. — Нечего народ хаять... Наш народ и так настрадался, вынес такое, что другим не под силу... Да ты должен народу поклоны земные бить и просить у него прощения за худые мысли...

Роман пофыркал недовольно, но промолчал, видимо, благоразумно решив не лезть на рожон и не усугублять разногласие с тестем.

— Ну а ты, Сережка, как? — переключился на правнука Тимофеич. — Уже думаешь, кем станешь? Пора ведь думать-то.

— Хочу стать блогером, — не задумываясь ответил правнук.

— Кем? — не понял Тимофеич.

— Блогером.

— Это что ж за профессия такая?

— Ну... блогеры ведут в интернете свои личные странички. Пишут там что-нибудь интересное, чтобы все читали, или размещают видео. Если читателей будет очень много, то тебе будут за это платить владельцы сайта или те, кто размещает на твоей странице рекламу, — Сергей оживился. Видно, эта тема была ему очень интересна. — Самые успешные блогеры на этом заработали миллионы. Прикинь!.. Главное — найти свою тему.

Кто-то рассказывает о продукции каких-то брендов... ну, известных компаний... Кто-то обсуждает разные события в стране или в мире... Кто-то берет интервью у успешных людей: политиков там, бизнесменов, шоу-звезд... Короче, как-то так... Можно хорошо иметь.

— Да уж, — покачал головой Тимофеич. — Не понять мне этого. За что только платят? Да и что это за профессия? Галиматъя какая-то... А нормальную профессию ты не хочешь получить?

— Дед, ну какую нормальную? — Правнук засмеялся и стал сильно похож на отца. — Ты о чем?

— Да о том! — Тимофеич опять начал сердиться. — Нормальная — это инженер, ученый, военный, преподаватель, врач... Полно таких профессий. В конце концов, рабочий...

— Скажешь тоже. Фигня это все. А блогеры — это круто. Они всегда в тренде.

— Лучше занимайся бизнесом, как я, — вмешался в разговор Роман. — Компьютерным или рекламным. Рекламные компании сейчас очень востребованы, особенно те, которые применяют медиа-технологии... Перспективное направление в бизнесе... Я ведь поэтому его и устроил в частный колледж бизнеса и права. Он хоть и платный, зато там лучше всему научат.

— Ясно, — Тимофеич вздохнул. — Хочешь из него тоже делягу сделать по своему подобию.

— Дед, ну что ты опять за свое? — Валентина бросила вилку. — Что в этом плохого? Твой правнук станет бизнесменом или юристом, а может, даже управленцем.

— Тоже мне, управленец выискался, — Тимофеич поморщился. — Да чтобы чем-то управлять, надо самому это пройти, с самого начала, от рядового работника, чтобы опыт приобрести.

— Это устаревшее представление, — возразил Роман, уплетая котлеты. — Чтобы быть эффективным руководителем, вовсе необязательно начинать с рабочего. Можно просто пройти обучение, и готово.

— Во-во, — Тимофеич покивал негодующе. — Потому сейчас везде бардак и творится... Понабирали таких вот сопливых горе-руководителей. Обучение они прошли... Да человек должен знать свое дело основательно, во всех мелочах, иначе натворит невесть что. Если он в своем деле ни бельмеса не смыслит, толку не будет, сколько его не учи руководить.

— Ладно, хватит, — Роман махнул рукой. — Бесплезно это. Вам все равно ничего не докажешь. Вы же застряли в своем эсэсэсэре. Да? — Он вдруг глумливо осклабился: — Я другой такой страны не знаю... Да здравствует товарищ Сталин!

— Ты только Сталина не трожь, умник! — Тимофеич сжал кулаки. Эта тема для него была священной: когда-то на фронте он бежал в атаку и кричал «За Родину! За Сталина!». — Он войну выиграл и страну из руин поднял.

— Ага, как же, войну он выиграл... Да если бы не Сталин, немцев еще в сорок первом разбили бы. А Сталину вашему на народ плевать было. Это уже всем известно. Гнал на убой ради своих амбиций... Взять хотя бы тот же Ленинград... Пусть народ дохнет от голода, зато город Ленина врагу не отдали. Как круто! Товарищ Сталин доволен...

— Какой же ты бессовестный! — Тимофеич встал и пошел прочь из кухни. Его затрясло от гнева, и он уже больше ничего не мог толком сказать — слова застревали в гортани.

Валентина побежала за ним, пытаясь успокоить.

— Эх, внучка-внучка, — наконец сумел он произнести. — Где ж ты откопала такого...

Жгучая горечь разлилась по его душе, и не осталось никакой радости от приезда Валентины и ее семьи.

Устало опустившись в кресло, Тимофеич погрузился в тяжелые думы, от которых не хотелось и жить. Вдруг вообще началась какая-то странность — все вокруг как бы потеряло свою ясность и отчетливость, а затем и вовсе исчезло...

* * *

Григорий опять был на войне — в далеком сентябре сорок третьего. Его дивизия форсировала Днепр. Пехота и артиллерия переправлялись на плотах, и солдаты гребли самодельными веслами и саперными лопатками.

Он находился на краю одного из плотов и тоже подгребал своей лопаткой. Была глубокая ночь, и в небе сквозь редкие облака проглядывала яркая луна.

На правом берегу на уже захваченных плацдармах слышалась лихорадочная пальба. Там немцы пытались сбросить в реку наши батальоны, которые ждали подмоги, истекая кровью.

До правого берега оставалось еще не меньше сотни метров, когда немецкие пушки начали бить по реке и над водой стали взметаться высокие фонтаны взрывов.

Рядом с Григорием стоял его друг Петька Чернов — тоже сержант. Он пригнулся и приседал на одно колено, когда снаряды врезались в воду неподалеку.

— Да когда ж этот чертов Днепр уже кончится? А, Гришуня? Водичка-то холодновата для купания, — пытался шутить и бодриться Чернов. — Если немец, так его разэтак, не дай бог, попадет, простынем в воде-то.

— Не дрейфь, Петруха, не попадет, — в тон ему пытался отвечать Григорий, хотя у самого душа уходила в пятки. — Доплывем сейчас. Уже маленько осталось.

— Ох, скорей бы... Вот Гитлер хренов! Чтоб ему пусто было!..

И они доплыли и вступили в жестокий бой, расширяя плацдарм. А вечером Петька Чернов погиб, навсегда оставшись лежать в этой украинской земле. Ему было всего лишь восемнадцать.

...Тимофеич открыл глаза, с трудом возвращаясь к реальности. Потом вспомнил все события сегодняшнего дня: ночной сон, утреннюю прогулку и нападки семейки «других» на Михаила, приезд семьи внучки и раздор с ее мужем Романом. Да уж, насыщенный выдался денек...

Было слышно, как на кухне о чем-то тихо спорят меж собой Валентина и Роман, но слов разобрать он не мог.

Возле него на подлокотнике кресла лежал Тихон и прищуренно смотрел на экран телевизора, словно следил за персонажами очередного сериала. Поэтому иногда Тимофеичу казалось, что его кот на самом деле все понимает не хуже человека, но только делает вид, будто это не так.

На диване сидел Сергей, уставившись в свой телефон и время от времени тыкая в него пальцами.

— Чем ты там занимаешься? — спросил Тимофеич. — Прямо не ото-рвешься от этой штуки.

— Общась с пацанами, — ответил правнук, не отрывая взгляда от устройства.

— И о чем же общаетесь?

— Да так... обо всем. Делимся новостями.

— Письма, что ли, друг другу пишете?

— Ну вроде того. У нас создана своя группа, и мы в ней тусуемся.

Можно писать текст, а можно отправлять друг другу фотки, видео, ссылки на какие-нибудь сайты. Это типа интернет-чата. Можно и общаться, как по скайпу.

— Ох, говорил, — Тимофеич вздохнул. — Я и слов-то таких не знаю. Не наши все... А уж совладать с этим и подавно не смогу.

— Да ничего сложного! — Сергей засиял. — Хочешь, научу?

— И не пытайся. Бесполезно это. Куда уж мне теперь-то... да и не к чему уже.

— Ну а че? Общались бы с тобой...

— Общаться вживую надо, а не так.

— Дед, а покажи мне свои награды, — попросил вдруг Сергей.

— Давай покажу, если интересно.

Тимофеич открыл платяное отделение мебельной стенки и снял с вешалки свой парадный черный пиджак, увешанный медалями и орденами. В этом пиджаке он ходил каждый год Девятого мая на центральную площадь города, чтобы посмотреть парад местного гарнизона и праздничное шествие Бессмертного полка. А еще в нем он выступал перед школьниками и студентами, рассказывая им о войне и героизме советских людей, не отдавших родную страну врагу.

— Ух ты, круто! — поразился правнук, восхищенно глядя на награды. — А потрогать можно?

— Потрогай, конечно, — Тимофеич стал перечислять их. — Вот медаль «За отвагу». А это — «За взятие Берлина». Вот орден Красной звезды, а это — орден Отечественной войны второй степени... Медаль «За победу над Германией»... Ветеран труда... — Он потрепал Сергея по голове. — Это мои главные награды. А остальные уже так, юбилейные... Двадцать лет Победы... Тридцать лет... Пятьдесят...

— Красивые, — задумчиво сказал правнук. — А они много стоят?

Этот неожиданный вопрос привел Тимофеича в растерянность.

— В каком смысле?

— Ну... в смысле цены, — Сергей погладил орден Красной звезды. — Дорогие ведь, наверно.

Он спросил это так, словно речь шла о каком-то товаре, а не о наградах.

— Нет у них цены, Сережка, — дрогнувшим голосом сказал Тимофеич. — Бесценны они. Люди за них на фронте кровью платили, а иные и жизнями своими. Неужто ты этого не понимаешь? Ведь не маленький уже.

— Нет, я имею в виду, если продать... — опять ляпнул Сергей и осекся под взглядом прадеда.

Он опустил глаза и, вернувшись на диван, вновь уткнулся в телефон. Возможно, что-то дошло до него, вызвав чувство запоздалого стыда.

Тимофеич повесил пиджак на законное место и сел в кресло, вконец удрученный.

«Конечно, Сережка не виноват в том, что растет таким, — размышлял он, хмуро глядя на правнука. — Это все Роман... его воспитание. Пе-

редал сыну свою барыжную натуру, и теперь — пиши пропало. Будет еще один деляга. Ох, беда-беда...»

И еще он подумал, что, по сути-то, сама нынешняя страна делала такими ее юных жителей, вбивая им в головы новые ценности: деньги, власть, успешность. И как-либо противостоять этому в одиночку Сережке было практически невозможно, тем более в его возрасте. Тут требовались усилия большого масштаба, а еще лучше — всеобщего. Только в tomto и была вся закорюка. Ведь почти каждый вокруг заботится лишь о себе и своем благополучии.

«Как же будет страна существовать, если все такими станут? — с ужасом подумал Тимофеич. — Ведь не продержится долго, рухнет».

Тимофеич сейчас вдруг явственно осознал, что уже совсем не вписывается в эту жизнь. Слишком она стала не такой, как прежде, да и сами люди в большинстве своем сильно изменились. Их теперь обуревали совсем другие мысли и заботы, другие идеи. Его время ушло безвозвратно, как ни крути, и вспять жизнь, увы, не повернешь.

«Все правильно, другое поколение... Оно понятно... Наверно, так и должно быть. Обидно только, что то, к чему мы стремились и о чем мечтали, теперь никому не нужно. А ведь для нас это было самое главное...»

И тут где-то в глубинах его сознания раздался чей-то неприятный, настырный голос, от которого по спине Тимофеича пробежали мурашки:

— Ну вот, Гриша, и все. Отжил ты свое, касатик мой родной, и сам уже это понял. Лишний ты в этом мире, а стало быть, ненужный. Так что не артачься, не валяй дурака и айда со мной...

Смерть, паскуда такая, словно подслушала его мысли и тут же напомнила о себе.

— Нет, костлявая моя подруга, не выйдет у тебя этот фокус, — пробормотал Тимофеич. — Зря стараешься... Погоди еще... Должен же кто-то детей уму-разуму учить.

Тут он вспомнил Татьяну, отставного майора Михаила и дворника Николая, и на душе у него стало полегче.

«Нет, не все еще потеряно. Есть еще в стране люди, которые не дадут ей пропасть. Есть... Они еще скажут свое веское слово. Придет время...»

* * *

В комнату вошла Валентина.

— Сережка, побудь пока на кухне с папой, — попросила она сына. — Нам поговорить надо.

Внучка села на диван и посмотрела с виноватой улыбкой.

— Ты не сердись на Романа. Просто у него характер такой... дурацкий. Лишь бы поспорить... Вечно со своим мнением суется.

— Да не в этом ведь дело, Валюшка, — Тимофеич всплеснул руками. — Дело-то в другом.

— Ну а в чем тогда? В чем?

— Да в том, что твой Роман марает все то, что для меня свято.

— Да он не такой, дед! Просто ты его плохо знаешь. Он бывает и добрым... щедрым.

— Ну не знаю, внучка... — Тимофеич потянулся к ней и обнял за плечо. — Тебе хоть хорошо с ним?

— Да, хорошо, — ответила она, но ему показалось, что сказано это было как-то неуверенно. — Иначе я бы с ним не жила.

— Не жалеешь, что бросила Павла?

— Да какая теперь разница? — Валентина встрепенулась, занервничала. — Уж сколько лет прошло... Думаешь, я была бы с ним счастлива? Да он не мог обеспечить семью, не говоря уже про то, чтобы купить машину и дом.

— Разве это главное в жизни?

— А что, дед, главное? — Она порывисто встала и заходила по комнате взад-вперед. — Иметь престижную машину и современную квартиру — это вполне нормальное желание. Или я не имею на это права? Я что, чем-то хуже других? А твой Павел... он же не от мира сего. Он не умел зарабатывать, да и сейчас не умеет. Я в прошлом году узнавала ради интереса... Женился на учительнице, живут скромно, в двухкомнатной, есть дочка. Даже машину нормальную — и ту не могут себе купить, ездят на задрипанном древнем жигуленке... Павел ведь всегда был помешан на книгах, и ему больше ничего не нужно было. Думаю, он вряд ли изменился. Романтик придурковатый... Да мне ничего с ним не светило. Понимаешь? Не было у меня с ним никаких перспектив. Никаких...

— Валюшка, откуда в тебе это? — Тимофеич поник головой. — Только шмотки и деньги на уме... Да, не думал я, что моя внучка такой станет. А маленькая была такая хорошая.

Перед его мысленным взором ясно встала пятилетняя курносая девочка с розовыми бантиками в светлых косичках, и от этой картинки у него защемило в груди.

— Да какой такой? Какой?.. Так во всем мире люди живут. Пойми же, что это вполне нормально. Просто ты никак не можешь избавиться от коммунистических идеалов, которые давно никому не нужны. Вам все это вбили в головы, и вы по-другому не можете думать, не допускаете даже мысли, что может быть совсем другая жизнь. А она есть!

— Это не настоящая жизнь, — упрямо произнес Тимофеич. — Нельзя так... чтобы одни деньги проклятые... Должно быть другое... — Он не мог подобрать нужных слов, потому что сильно взволновался. — Человеку идеалы нужны. Обязательно... Без них никак...

— Ну хорошо, возможно, в чем-то ты прав, — неожиданно сдалась Валентина. — Давай не будем ссориться из-за того, что понимаем жизнь по-разному. Мы ведь родные люди. Пусть каждый останется при своем мнении. Или что, общаться теперь перестанем? Это же глупо.

Тимофеич ничего не ответил, но крепко задумался над словами внучки. В самом деле, слишком уж близко к сердцу он принял ее правду жизни, да и чересчур взбеленился на Романа. По большому счету, не стоило так. Не за что их осуждать. Видно, время такое наступило, но и оно тоже когда-то сменится.

— Дед, ну скажи что-нибудь хорошее, — внучка смотрела на него с ожиданием.

— Да чего тут говорить-то, Валюшка. Согласен я, что ссориться нам не стоит. Смысла в этом нет никакого.

— Ну вот! — Она повеселела. — Дед, просьба у меня к тебе есть.

— Какая просьба? — Тимофеич отстранился от своих раздумий. — Говори.

— Не дашь нам денег? Очень нужно хотя бы тысяч сто пятьдесят. Взять в банке мы пока не можем. И так кредит висит приличный... А у кого-то с рук — проценты большие...

— А на что вам столько? — Тимофеич насторожился. — Проблемы, что ль, какие?

— Да не то чтобы проблемы... — Внучка замялась. — Роман хочет свой офис продать и купить другое помещение — попросторней. Разница — триста тысяч. Сто пятьдесят он наскребет, но нужно-то еще столько же... Мы тебе потом вернем, — добавила она, потупив взор. — Может, не сразу, конечно...

Тимофеич хотел было уже открыть рот, чтобы дать свое согласие, да в последний момент вспомнил об утреннем разговоре с Татьяной. Ведь он пообещал ей дать займы! И тоже именно сто пятьдесят тысяч! Ведь сам вызвался и обнадежил женщину — никто за язык-то не тянул, и значит, теперь назад пути нет, иначе он станет обычным пустобрехом и обманщиком и никогда себе этого не простит.

Он понурился, не зная, что ответить. Обманывать Валентину ему тоже не хотелось, а правда ей вряд ли понравится.

— Извини, Валюшка, не могу я вам денег сейчас дать, — наконец с тяжелым сердцем сказал он.

— Почему? — Внучка изменилась в лице. — Мама сказала, что у тебя на счету солидная сумма накопилась. Ты что, не хочешь нам помочь?

— Да не в том дело, — уклончиво ответил Тимофеич.

— А в чем тогда?

Тимофеич еще больше удручился, видя, как напряглась Валентина в ожидании его ответа.

— Извини меня, Валюшка, — повторил он, — не могу.

— Да почему же?! — нервно выкрикнула она. — Дед, ты можешь прямо сказать? У тебя что, такая сильная неприязнь к Роману? Из-за этого? Но ведь это я у тебя прошу, а не он. Он и не хотел-то к тебе обращаться, это я сама предложила. Почему ты отказываешь мне? Ты же всегда говорил, что любишь меня. Ну как же так?

— Я уже пообещал дать их займы... Так получилось, — тихо произнес Тимофеич.

— Пообещал? — Валентина теперь смотрела на него изумленно. — Кому пообещал?

— Одному очень хорошему человеку.

— Какому еще человеку? — Внучка опять села на диван. — Дед, ты с ума сошел?

— Это Татьяна из социальной службы. У нее ситуация сложилась... В общем, надо помочь ей.

— Ах вот оно что, — Валентина покачала головой. — Ну теперь все понятно. Молодец эта твоя Татьяна. Ловко она тебя развела на деньги. Видно, пройдоха еще та.

— Да никакая она не пройдоха! — Тимофеича охватил жар от сильного волнения. — Я сам предложил дать ей займы, потому что Татьяна мне как родная.

— Ну спасибо тебе, дед, — Валентина картинно отвесила ему поклон. — За то, что какая-то аферистка тебе дороже внучки и правнука.

Потемнело в глазах Тимофеича, и стало ему тяжелей дышать.

— Да Танюшка обо мне заботится лучше любого родного человека! Добрее нее не сыщешь... И не смей ее оскорблять!

На шум из кухни пришел Роман. Он сразу же сиганул с кресла на пол и куда-то скрылся, очевидно предчувствуя неладное.

— Что тут у вас?

— Вот это дед мой любимый! Полюбуйся! — Валентина сложила на груди руки и смотрела на Тимофеича с укором. — Родной внучке отказал денег дать, зато какой-то... Татьяне из соцзащиты хочет занять. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

— Понятно, — Роман цыкнул языком. — Нужно выяснить, кто она такая, и жалобу написать ее руководству. Пригрозить, что в полицию заявим.

— Точно! — согласилась Валентина. — Как это я сама не сообразила? Попрошу маму заняться этим вопросом. А то смотри-ка... Приставили к ветерану ловкачку. Вот это да! Вот тебе и соцзащита!..

— Да что же вы несете-то?! — Тимофеич замотал головой, пытаясь освободиться от морока, который пожирал все вокруг и начал помрачать его рассудок. — Как вы можете? Не вздумайте на Танюшку мою грязь лить. Не смейте!.. Она честный человек и чистая душа...

Он уже не видел ни Валентину, ни Романа, а только слышал в темноте их голоса.

— Нет, мы этого так не оставим! Обязательно пожалуемся!.. — завывал неприятной сиреной голос внучки. — Сам же потом спасибо нам скажешь...

— Григорий Тимофеевич, тут и ежу понятно, кто она такая, эта ваша Татьяна! — гулко барабанил по нервам голос зятя. — Окрутит она вас так, что и квартиру ей отпишете. Как пить дать!..

— Да прекратите же вы! — Из его глаз полились слезы горькой обиды за Татьяну и за то, что его внучка и ее муж творили сейчас своими языками великое зло. — Перестаньте, прошу вас... — Слова давались ему с трудом, мешала говорить давящая боль в груди, не хватало воздуха. — Будьте вы людьми... Зачем же так-то?.. Она хо... ро... шая, Танюшка моя...

Тимофеич не договорил, потому что грудь сдавило так, что вообще стало невозможно дышать. А потом безжалостная боль поглотила всего его, и от этой боли не было никакого спасения.

Откуда-то издали слабо донеслось:

— Дед, ты что? Тебе плохо?..

И это было последнее, что он слышал...

* * *

Григорий оказался в каком-то темном подземелье, в котором было холодно и сыро. Где-то впереди брезжил тусклый свет, видимо просачивавшийся сюда сквозь окно или какую-то дыру. Почему-то в голове возникла мысль, что это пробоина от снаряда.

Немного постояв на месте и привыкнув к здешнему полумраку, он медленно пошел на свет, осторожно ступая, чтобы обо что-нибудь не запнуться.

— Ну здравствуй, Гриша, — раздался за его спиной знакомый неприятный голос. — Не чаяла я так скоро тебя встретить.

Он резко обернулся и увидел перед собой черный силуэт.

— Видишь, как оно все обернулось... — сказала Смерть, но в ее голосе почему-то не было никакого злорадства. — Да, жизнь — штука та-

кая, непредсказуемая. Никогда не знаешь, где она тебе сюрприз подбросит.

Странно, но он совсем не чувствовал страха. Все происходящее походило на фильм, который хотелось досмотреть до конца.

— А ты меня по-прежнему не боишься! — с явной досадой сказала Смерть. — Бедовый ты мой... Ну ладно, фронтовик, ступай туда, на свет. Там тебя ждут не дождутся...

— Кто ждет? — спросил он.

— Увидишь. Ступай...

Сказав это, Смерть растворилась в темноте, оставив Григория одного. Он же пошел на свет, съедаемый любопытством и каким-то смутным радостным предчувствием.

Оказалось, что свет действительно лился в подземелье через большую пробоину в стене. Григорий, не мешкая, пролез в нее и неожиданно оказался на опушке леса, жмурясь от яркого солнца. Вокруг все зеленело и цвело, в необычайно синем небе разливалась завораживающая птичья трель, а запахи трав и цветов приятно кружили голову.

Он с удивлением оглядел себя. На нем было новенькое обмундирование, а на ногах красовались натертые до блеска кирзовые сапоги. Да и сам он чувствовал себя молодым и полным сил, как тогда, в военные годы.

— Ну ты, Гришка, прямо как щеголь заправский. Любо-дорого посмотреть...

Перед ним стоял живой и здоровый Петька Чернов — в такой же с нуля солдатской гимнастерке и с ПППШ на плече.

— Тебя же убили... там... на Днепровском плацдарме... — Григорий вглядывался в друга, не веря, что это он. — Я же сам видел.

— Убили, — Чернов грустно улыбнулся. — Многих тогда убили. А ты, значит, до самого Берлина дотопал. Молоток!

— Дотопал. Отомстил за тебя фрицам.

— Эх, жаль, что я там не побывал. Ну да ладно, теперь уже это не так важно.

— А что теперь важно? — спросил Григорий.

— Сам все узнаешь, — неопределенно ответил Чернов. — Ну, бывай. Свидимся еще...

И тут Григорий увидел у самого леса стройную девичью фигуру в голубом платье до колен и сразу узнал в ней свою Наталью.

— Гриша! — крикнула она и помахала рукой.

И он радостно побежал к ней, чувствуя необычайную легкость в теле.

— Здравствуй, Гришенька... родной мой...

Она стояла юная и красивая, еще краше той, какую он встретил ее после войны. Русые волосы были распущены и спадали волнами на плечи и спину. Он хотел обнять ее, прижать к себе и расцеловать, но Наталья остановила его жестом руки.

— Погоди, Гриша... погоди, родимый...

— Почему? — с обидой спросил он.

— Не пришло еще время.

— А когда оно придет?

— Скоро придет, скоро. Потерпи немного... Дай я на тебя хоть так налюбуюсь...

Она смотрела на него с любовью и нежностью.

— Ну все, иди назад. Пора тебе возвращаться. У тебя там еще осталось незаконченное дело.

— Какое дело? — не понял Григорий.

— Ну как же, милый? Неужели уже забыл? Эх ты... — Наталья улыбнулась. — А как же Татьяна? Ты ведь ей денег занять обещал, а обещания надо выполнять. Сам ведь знаешь это не хуже меня.

— Ох, и вправду забыл, — спохватился Григорий. — Точно, обещал.

— Ну вот. Так что возвращайся и помоги ей. А я буду ждать тебя здесь, на этой опушке...

Он не успел ничего ответить, потому что все куда-то мгновенно исчезло: Наталья, лес и опушка. Тимофеич возвращался туда, где в его помощи еще кто-то нуждался и где у него было незаконченное дело.

Он возвращался...

